

Геннадий Болтунов
Остановило время бег

СТИХИ



16/02/2015

Геннадий Болтунов

Остановило время бег. Стихи

«Издательские решения»

Болтунов Г.

Остановило время бег. Стихи / Г. Болтунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934720-6

Книга, которую можно читать и взрослым, и детям. Она о том, что взрослая жизнь начинается с детства, которое потом пронизывает её, как одежду из синтетики натуральные, цветные и тёплые волокна. Произведения отсвечивают добротой, самоиронией, некоторые вызывают улыбку, лёгкую печаль об ушедшем времени.

ISBN 978-5-44-934720-6

© Болтунов Г.
© Издательские решения

Содержание

Мамина шинель	6
Дошёл до точки	7
Сладкий день	7
Врушка	8
Успевалка	9
Дошёл до точки	10
Тараторка	11
Про муху	12
Чьи мы будем?	13
Помню, были времена...	14
Щенок	15
Было время	16
Если время конечно	17
Лыжные соревнования	18
Впадаю в детство	20
Ирка	21
По обугленному дну	22
Зеркало в рай	23
Природы детский взгляд	24
Здравствуй, Вадим!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Остановило время бег Стихи

Геннадий Болтунов

Фотограф Геннадий Владимирович Болтунов

© Геннадий Болтунов, 2018

© Геннадий Владимирович Болтунов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-4720-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэтический стаж автора книги, насчитывает более полувека. Последняя не электронная публикация стихов была в альманахе Орловской областной организации СП России «Орёл литературный» за 2012 год.

Кроме публикаций в различных сборниках и альманахах имеет книгу стихов «Слепящая мгла», вышедшую в 1997 году, и книги стихов «А это забавно – к себе присмотреться», «Ищешь одно, а находишь другое», «Время пресыщения», книжки для детей «Догонялки в небесах», «Отпечатана ладошка на окошке ледяном» выпущенные в последние годы издательской системой Ridero.

Уроженец Ленинградской области, хотя вся сознательная жизнь связана с Орловщиной, литературной столицей России.



Мамина шинель

В те годы было трудно жить стране.
И мама, чтобы денег не расходовать,
свою шинель примерила на мне
и так решила: «Года два походит в ней».

Подрезала немного рукава,
слегка подшила, петли переставила
и в школу, как в наряд, меня отправила.
Я плакал, и звенела голова.

Но в класс вошёл и... сразу стал героем.
Мгновенно окружили пацаны,
шумели роем и ходили строем, —
в глазах ребят мне не было цены.
«Дай поддержать» —
не то, чтобы примерить.
Мальчишки: «Ух, ты!», а девчонки: «Ах!»...
В своё геройство был готов поверить,
да Нин-Иванна замерла в дверях:
Заметила метнувшийся испуг,
мгновенно оценила обстановку,
пошла к столу и... пригласила вдруг
меня к доске, показывать обновку.

Я наступил на полу сгоряча
и был довольно дружным смехом встречен.
«Видать с чужого нацепил плеча», —
ехидным Вовкой казус был подмечен.

Но, Нин-Иванны взгляд остановил
возникший смех сурово и мгновенно.
Взгляд был таким, как будто бы он был
из той поры, не знавшей нас, военной.

И на вопрос: «Шинель-то чья, сынок?»
– сказал я тихо: «Мамы. Фронтовая...»
И замер класс. «Садись. Начнём урок...»
Того урока я не забываю.

Дошёл до точки

Сладкий день

Небеса на голубом глазу
выкатили Солнце нам в подарок,
жаль, – подарок оказался жарок,
как варенье, что кипит в тазу.

Сладок день, да нёбо обжигает.
Вот бы ветерочком охладить,
отыскав тенёк, денёк по краю
горизонта блюда, разложить.

Врушка

Говорила дочке мать,
что не надо взрослым врать.
Дочка маме отвечала:
«Разве я не классно врал?».

Успевалка

Успеваает за минуту
всех собрать, всё перепутать,
успеваает поглубить,
чтобы, тут же, позабыть.

Успеваает, на Ура,
подниматься в семь утра,
собираться за мгновенье,
но, испортив настроенье.

Опоздав, умеет врать,
разбавляя правды граммы,
на родителей взирать
взглядом очень взрослой дамы.

Дошёл до точки

Сегодня я дошёл до точки, —
пошёл на ограбление дочки:
я у неё украл листочки,
где нацарапал эти строчки.

Тараторка

На звонки телефона всегда
отвечала она: «Да, да, да».
И на всё, что ни пел он на ухо:
«Да! Да, да», – то ликуя, то сухо.
Иногда и холодное: «Да», —
словно вылитое, изо льда.

А порой её «да?» так звучало,
что «возможно и нет» означало.

«Да» звенело, почти непрерывно,
то восторженно, то наивно.
Обожала подруг череда
много ёмкого, вечного: «да».

А она так подружек ценила,
что сама никому не звонила.

Про муху

Я вчера стихотворенье
нацарапал, про варенье.
Тут же муха прилетела
и стихотворенье... съела.

От такой еды она
стала ростом со слона,
с крыльями от вертолѐта.
Воевать с ней неохота, —
разозлившись, хоботком
разломает кошке дом.

– Почему?
– Плохое зренье.
Не пишите про варенье,
чтобы не плодить слонов. Ваш
Геннадий Болтунов.



Чьи мы будем?

Здесь птицы очень любопытны.
«Чьи вы?», – они желают знать,
чтоб понапрасну не гадать,
насколько пришлые элитны.

«Чьи?.. Чьи?» Пытаюсь дать ответ.
Похоже, – он им дело пятое,
хотя другого дела нет.
«Чьи?.. Чьи?.. Чьи?.. Чьи?..»,
как будто спятили.

Но бесконечность их вопросов
и нежеланье знать ответ,
обозначает путь в торосы,
откуда возвращенья нет.

А чьи мы, сами-то хоть знаем,
настолько корни глубоки.
Возможно, что не там копаем,
в себе копаясь, чудачки.

Помню, были времена...

Помню, были времена,
когда Солнце и Луна
были на одной орбите
и Земля – центр всех событий...

Только разве это дело,
чтобы центром стало тело,
а душа была в накладе,
то есть только бога ради?

Помнишь, – кто-то издаля
крикнул: вертится Земля
вокруг нашего светила,
что центристов возмутило.
Лишь со временем дошло,
что Земля и есть душа,
а по ней тела, шурша,
двигаются тяжело
потому, что им меша...,
потому, что им меша...,
постоянно им меша...,
воспарить мешает
зло.

Щенок

Такой шерстистый симпатяга.
За всеми бегаёт, скулит.
Кто выгнал на мороз беднягу,
какой духовный инвалид?

Светает поздно. На работу
спешит народ. Всех ждут дела.
Жалеть спросонок неохота
того, кто ждёт от них тепла.

Вдруг, поскользнулась грузно тётя.
Щенок к ней тут же, не спеша.
Ах тётя – добрая душа.
«Да пусть ругают на работе!», —
Взяла, пригрела малыша.

Хотя, он ей и ни к чему.
Не всё же делать по уму.

Было время

Было время, когда не было
ни бумаги, ни чернил.
Были камни. – Камень требовал,
для писания, зубил.

Высекалось только главное —
не до лишнего труда.
Люди не были тщеславными —
первобытная среда.

Вот теперь – иное дело
и, куда ни бросишь взор,
пишут люди краской, мелом...
на уступах древних гор:
«Здесь был Вася!», Сдезь был Петя», —
пишут дату: месяц, год... —
Пусть потомок надпись встретит
и
от зависти умрёт.

Если время конечно

«Говоря, что ты думаешь, думай, что говоришь».

А задуматься если над небесным звучаньем
двух частей этой фразы, то пауз молчанье
прояснится и следом проявится тишь:
«Говоря, что ты думаешь, думай, что говоришь».

Вижу то, что я ем, или ем, что я вижу,
что имею – люблю, что любил, то имел.
Мышам вечно извне кот мерещится рыжий,
тот, который совсем от чудес очумел.

Ведь слова, по отдельности, многим понятны,
но их смысл исказится, когда станут строкой.
Точно также в молекулы тянутся атомы,
а на ощупь, лишь воздух застыл под рукой.

В нас загадок полно, ожидают ответа
и, казалось бы, стоит ли их повторять,
если время конечно во все стороны света,
жаль, но ценное время
продолжаем терять.

Лыжные соревнования

Погода, снова: «Здравствуйте!». —
Из сахара денёк,
следы от лыж по насту
бегут вдоль – поперёк.
Зашебаршил за городом,
волнуется народ.
Посмотришь – любо-дорого, —
такого старта ждёт!

Комарик-пистолетик
вот-вот чихнёт на нас,
И мы рванём, как дети,
как дети в первый класс...

Ушли мы, как положено,
прорвать бы толчею,
попасть, что кортик в ножны,
попасть в лыжню свою.
Потом на взгорok ёлочкой,
и вниз, где ждёт река...
Разложена по полочкам
дистанция, пока.

Но вот на повороте,
держись, не упади...,
а силы на излёте,
и сердце – из груди.

Спиною потной вижу, —
у крайнего за мной
украли будто лыжи,
и дышит, как больной.
Пока по снегу роет,
мне надо гнать вперёд,
дыхание второе
должно прийти, придёт!

А боковое зрение на третьего косит,
под финиш, без сомнения, обгонит, паразит....

Даю лыжню, – положено,
хотя б одну, но дашь,
и вдруг, что вижу, Боже мой,
да это ж парень наш!
На пару гоним, с паром,

я – прицепной вагон,
сюда б ещё гитару,
да это же не сон:
Вот финиша полоска,
её парнишка рвёт.
Наелись оба – в доску.
А публика? – ревёт!!!

Впадаю в детство

В нашем бедном детстве было всё в порядке:
мы играли в салки, мы играли в прятки,
в казаки-разбойники пацаны играли,
«дамы» – в дочки-матери около сараев...

Детство упорхнуло, юность прилетела,
крыльями взмахнула, поиграть хотела.
И уже не в полдень – в сумеречный час,
слышно: «третий лишний кто-то среди нас».

Кто-то третий – лишний, но в игре другой,
у игры название странное – «любовь»...

Дальше будет зрелость, но и зрелость минет,
волосы украсит неизбежный иней
и, ещё немного, старость у порога.
Странная такая, – будет жить, играя
снова в игры детства. А куда ей деться? —
Просит внук ли, внучка (велика их власть)...

Чтобы не измучаться, в детство надо —
впасть!

Ирка

Когда мне пятнадцать было,
Ирке было только пять,
но, она меня любила
и звала с собой гулять:

«От мальчишек нехо-рроших
убегай, ходи со мной,
только я тебя не брр-ошу,
до-ррогой под-рружек мой!».

Я смеялся, подчинялся,
с ней в любви поднаторел
и... с мальчишками не знался,
пока Ирка во дворе...

Всё закончилось обломом.
Где-то, через пару лет,
хоть разыскивай всем домом —
во дворе Иришки нет.
Увезли родители, будто увели.
Говорят, что видели.
Солнышком
вдали.

По обугленному дну

Крыли нас,
 местами матово,
шили нам,
 порой дела,
получалось,
 гром раскатами,
была истина бела.

Вот и всё. Всё шито-крыто,
сброшу прошлому вину...
Эхом цокают копыта
по обугленному дну.

Зеркало в рай



Природы детский взгляд

Природа знает, видимо, секрет,
чтобы её картины не погасли.
Готовит краски, растворяя в масле,
имеющим и ночью блёсткий свет.

Однажды слышал, – сочные мазки
от настоящей жизни далеки.

Что интересно, ведь картины эти
не обсуждают скопом. Не галдят.
Природу их нам растолкуют дети,
поскольку у природы
детский взгляд.

Здравствуй, Вадим!

*Аннотация к новой книге стихов Вадима Ерёмкина «В течение дня»,
увидеть её ему не довелось*

На маршрутке с работы, работу кляня,
благо место свободное было.
Приоткрыл переплёт и «В течение дня»
затянуло и сердце зануло. —

Новый омут внезапно из книги сверкнул,
в глубину пронырнул – отпустило,
думал, шаря по дну, что водицы хлебну:
ни воды на страницах, ни ила.

Бил, однако, родник и бездонен он был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.